

Александр Гуйтер

Киберро. Город проклятой мечты

Александр Гуйтер

Киберро. Город проклятой мечты

«Издательские решения»

Гуйтер А.

Киберро. Город проклятой мечты / А. Гуйтер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-551131-7

Он видел её всего один раз. Девушку с солнечными волосами и изумрудными глазами. Он — обитатель пустоши, она — жительница города мечты Киберро, но они обязательно будут вместе, а пока встречаются лишь во снах.

ISBN 978-5-00-551131-7

© Гуйтер А.
© Издательские решения

Содержание

Всего один взгляд	6
Прощай, прошлое!	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Киберро. Город проклятой мечты

Александр Гуйтер

© Александр Гуйтер, 2021

ISBN 978-5-0055-1131-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Всего один взгляд

– Вот знаешь, Чаки, чего больше всего боятся те, кто там, наверху? – старик кивнул на светящийся город и перевернул прутик, на котором жарились маленькие, только что родившиеся, крысята.

– Чего? – спросил Чаки, взъерошенный мальчишка с сияющими голубыми глазами, одетый в грязную красную куртку.

Старик усмехнулся, почесал жидкую бородёнку и, подняв вверх указательный палец, ответил:

– Они боятся умереть.

– А ты разве не боишься, дедушка?

Тот не успел ответить – из-под кучи мусора вылезла старая облезлая крыса в сером балахоне и пронзительно заверещала:

– Негодяй, Карл, ну ты и негодяй! Я же только на полчаса отлучилась, а ты уже их поджарил!

Карл со всей силы топнул ногой и замахнулся. Крыса съёжилась и пригнула голову.

– Цыц, Мила! – прикрикнул старик. – Прятать нужно было лучше, да и пищали они у тебя так, что за сто метров слышно. Ладно тебе – ещё нарожаешь.

Мальчик погладил плачущую крысу по голове.

– Не плачь, Мила, – сказал он, – ты каждый раз только и делаешь, что плачешь.

– Так я за последний год только один выводок сумела вырастить, – всхлипывая, сказала Мила, – а остальных всех твой дед нашёл.

Карл перевернул прутик, поднёс его к подслеповатым глазам, понюхал, лизнул и, довольно кивнув, снял одного крысёнка и протянул его матери:

– На, поешь лучше и не ной больше. Вы, крысы, иногда сами своих детей едите. Сырыми, хе-хе! А тут, смотри какой – румянький, поджаристый. Корочка хрустит хрусь-хрусь! Косточки мякотькие! Высший сорт! Пища богов!

Крыса взяла крысёнка из протянутой руки и, усевшись на пустую банку из-под крапивного супа, принялась есть.

– На! – дед протянул второго крысёнка внуку.

– Спасибо! – поблагодарил Чаки.

Карл достал из-под грязных лохмотьев мятую металлическую фляжку, отхлебнул и улыбнулся от удовольствия. Крыса, заметив это, тут же отложила крысёнка и, протянув обе лапки к старику, запищала:

– И мне! И мне тоже дай! Помянуть надо!

– Ишь, какая хитрая! – усмехнулся Карл, протягивая ей фляжку. – А то причитала тут, как умалишённая!

Мила, обеими лапками держа фляжку, жадно отпила несколько глотков, которые для человека были крошечными, а для крысы – огромными, и, чуть не уронив, отдала обратно.

– И ничего я не причитала, – вытерев мокрые усы и заметно подобрев, сказала она, – я просто возмущалась.

– Закуси, возмущалка, – улыбнулся старик, взболтнул фляжку у уха и убрал обратно под лохмотья.

Чаки тем временем доел своего крысёнка, вытер губы рукавом куртки и лёг на грязный картон, подложив руку под голову.

– Так ты не ответил, – сказал он.

– На что?

– Ты говорил, что те, кто наверху, боятся умереть, я тебя спросил: «А ты не боишься умереть, дедушка»?

– А, ну да, ну да, – кивнул старик, проглотил последний кусок и бросил прутик на угли, где он тут же вспыхнул жёлто-синим огнём. – А чего мне бояться, Чаки? Скажи, чего мне бояться? Вот, вот она, – он встал раскинув руки в стороны, – вот она моя жизнь! Свалка, помойка, мусорка! Я прожил здесь всю жизнь, мой отец прожил здесь всю жизнь, мой дед прожил здесь всю жизнь! Мне нечего терять и, когда я умру, Мила и её племя съест моё тело.

– Это правда, – хихикнула крыса.

– А им, – трясущейся рукой Карл указал на светящийся город, – им, живущим в каменных домах, катающихся на железных машинах, носящих железо внутри себя, им есть, что терять! Они все свои усилия прилагают на то, чтобы продлить свою жизнь! Они меняют свои органы, когда те изнашиваются, платят золотом врачам и лишь для того, чтобы жить как можно дольше и предаваться разным увеселениям и удовольствиям! Они не знают того, что нужно не только брать, но и отдавать. Именно поэтому Мила не злится на меня, ведь после моей смерти крысы съедят это тело и вернут себе то, что я брал у них!

Поднявшийся ветер развеивал грязные лохмотья, взгляд старика был грозен, а голос величественен и сейчас он походил на одного из пророков древности, о которых рассказывали сказки у костров по ночам.

Впрочем, а вдруг он действительно был пророком, ведь о том, что рядом жил пророк узнавали только после его смерти? Значит, придётся ждать смерти старого Карла. Вот будет радости, если окажется, что он действительно был одним из Посланников! Крысы так вообще праздник устроят.

– Точно, – икнула Мила, – именно поэтому я на тебя и не злюсь.

Карл тяжело задыхался и пошатнулся. Чаки быстро вскочил и, аккуратно обняв старика, помог ему лечь.

– Ты, это, того самого, – растерянно пробормотал мальчик, – не надо, ладно?

– Чего? – удивлённо спросил старик.

– Сейчас не надо отдавать того, что ты взял.

Старик улыбнулся и погладил его по щеке.

– Какой ты у меня добрый, – прошептал он. – Не волнуйся – я знаю, когда придёт мой день.

Крыса доела и, вытерев лапки о балахон, кивнула:

– Да, твой дед это знает, Чаки.

Раздался громкий треск, по чёрному небу пронеслись разряды, всё вокруг осветилось ярким голубым светом, от которого Мила, Чаки и Карл зажмурились, а в воздухе запахло грозой. Открыв глаза, они увидели большой серебристый корабль, зависший прямо над ними. Из огромных окон вниз смотрели красивые юноши и девушки в голубых балахонах. На вид им было столько же, сколько и Чаки.

– Улыбаемся! – сказал Карл и обнажил дёсны.

– И машем! – добавила Мила, помахав лапкой.

Чаки тоже улыбнулся, помахал рукой и посмотрел наверх. Прямо на него смотрела молоденькая девушка лет пятнадцати, с солнечными волосами и сияющими изумрудными глазами. Она улыбнулась в ответ, но тут же какая-то строгая женщина в чёрном костюме схватила её за руку и что-то громко сказала. Девушка покраснела и спрятала лицо в ладони, а все остальные стали смеяться. Корабль, медленно проплыв над ними, полетел в сторону деревни грибников.

– Что-то в последнее время у них много этих экскурсий стало, – достав фляжку, сказал Карл.

– А зачем они вообще прилетают? – спросил Чаки.

Дед отпил и передал фляжку Миле.

– Надо будет завтра к Вику заглянуть, – пробормотал он. – Что ты там спрашивал? Зачем прилетают? Ну, чтобы показать детям, как мы тут живём и чтобы они увидели, какая жизнь ждёт тех, кто захочет сбежать из города.

– А такие были? – спросил мальчик.

– Были! – весёлым пьяным голосом ответила Мила и уронила фляжку. – Ой, ой, Карл! – запричитала она, схватив её и передавая старику. – Прости! Прости! Там совсем чуть-чуть пролилось!

Карл взял фляжку, снова поболтал её у уха и убрал.

– Ладно тебе, – махнув рукой, сказал он, – я всё равно завтра к Вику пойду. Теперь точно пойду. Был один, забыл, как его звали. Долго бродил тут среди мусора, а потом ушёл к морю. Говорил, что хочет вдохнуть свободы. Дурачок! Как будто здесь нет свободы!

– А может, он хотел какой-то другой свободы? – спросил Чаки, перед глазами которого предстал облик прекрасного горожанина, бродящего по свалке с печальным лицом.

– Чего? Другой свободы? – с удивлением спросил Карл. – Свобода бывает только одна – свобода делать то, что хочешь, и что не нарушает Великий Закон.

– Вернуть то, что взял, – прошептал Чаки.

– Да, – кивнул старик, – но это если говорить просто. Так-то в нём много чего, но это самое главное.

Крыса задремала и упала с банки. Не открывая глаз, она свернулась калачиком у кучи мусора и, сладко зевнув, заснула.

– Напилась, труженица, – ласково сказал Карл, – не будем её будить. Только посторожи, чтобы её никто не утащил, а то желающих много.

– Хорошо, – пообещал Чаки, подкидывая в тлеющие угли несколько сухих веток.

Обернувшись, он увидел, что дед тоже заснул. Чаки заботливо поправил лохмотья, накрыл его рваными тряпками и сел лицом к костерку.

КЛЯ-КЛЯ! КЛЯ-КЛЯ!

Мальчик повернулся в сторону огромной кучи мусора.

– А, это ты, – тихо, чтобы не разбудить деда и крысу, сказал он.

С кучи бесшумно прыгнула большая белая птица с сумкой на груди. На её голове была маленькая чёрная шапочка, из-под которой кокетливо выглядывал цветок василька, а лапки были обуты в перчатки.

– Да, это я, – ответила птица.

– Где был сегодня, Кляк? – спросил Чаки.

Птица, ловко переступая через банки, осколки, огрызки, объедки и прочий мусор, подошла к мальчику и, повернув голову набок, тихо ответила:

– Летал к городу. Цветок нашёл.

– Настоящий?

– Да.

Мальчик восхищённо уставился на цветок. Его глаза были точно такого же цвета, как и этот василёк и Чаки понял, что он должен принадлежать ему.

– Подари, а? – попросил он.

– А ты мне что?

– У меня пока ничего нет, – с грустью ответил Чаки, – но я обещаю, что...

Кляк махнул крылом, давая понять, что верит. Он осторожно вынул василёк из-под шапочки и протянул его Чаки:

– На!

– Спасибо, – ответил мальчик.

Как заворожённый он смотрел на маленькое чудо, лежащее на его ладонях. Цветок был маленький, почти крошечный и ничем не пах, но он был прекрасен. Это было самое прекрасное из всего, что мальчик когда-либо держал в руках.

– Спасибо, – ещё раз поблагодарил Чаки, пряча василёк за ухо. – Ну, как там город?

Пока он восхищался цветком, Кляк тщательно обыскивал пустые банки. Он переворачивал их лапкой и засовывал внутрь клюв, но все они были пусты. Да это было и неважно – Кляк не был голоден и в банки заглядывал из чувства любопытства. Вот такие они, птицы, любопытные.

– Город? – высунув клюв из очередной банки, переспросил Кляк. – Ничего, город – стоит. Но туда не попасть, нет, не попасть. Я чуть не спалил себе крылья, когда подлетел слишком близко! Но он красивый, очень красивый!

– Какой?

Кляк перевернул банку и уселся сверху.

– Сияющие башни, хрустальные статуи, зелёные сады, огромные прозрачные девушки, танцующие в темноте! – Кляк шмыгнул клювом. – Он прекрасен!

Он сунул голову под крыло и замер.

– Ты что, плачешь? – с тревогой спросил Чаки.

– Птицы не умеют плакать, мальчик, – услышал он за ухом.

Чаки вытащил цветок из-за уха.

– Это ты сказал?

– Я, – ответил василёк.

– Ты умеешь разговаривать?

– Ты же меня слышишь.

– Это невероятно! – прошептал Чаки. – Птицы не умеют плакать, цветы умеют разговаривать!

– В мире много удивительного, мальчик, – сказал цветок, – гораздо, гораздо больше, чем ты можешь себе представить.

Послышалась тихая, печальная музыка. Чаки повернулся к Кляку и увидел, что тот, вытащив из сумки маленькую арфу, медленно перебирает струны коготками. Глаза его были закрыты, птица предавалась ощущениям.

– Какая грустная музыка, – мальчик почувствовал, как его глаза наполняются слезами.

– Плачь, мальчик, – сказал василёк. – Некоторые вещи прекрасны лишь потому, что способны вызывать слёзы даже у самых очерствевших сердец.

Вокруг играющего Кляка закружились бабочки. Жёлтые, голубые, красные, прозрачные, как слеза, они бесшумно порхали под звуки печальной музыки как крошечные фонарики.

– Откуда они здесь? – спросил мальчик.

– Их манит прекрасное, – ответил цветок.

– Всегда?

– Всегда.

Время словно остановилось. Чаки, не дыша, смотрел на танец маленьких созданий, Мила и Карл спали, Кляк играл, костерок погас, и даже само небо словно замерло, наблюдая за ними. Наконец, арфа замолчала и всё стало прежним: послышалось ровное дыхание спящих, задул ветер, бабочки улетели, а по небу вновь поплыли облака.

– Спрячь меня обратно за ухо, – попросил василёк.

Чаки посмотрел на цветок и увидел, что рядом с ним сидит маленькая красная бабочка. Она расправила крылышки, улыбнулась мальчику, прикоснулась усиками к цветку и улетела.

– Что она здесь делала? – спросил Чаки.

– Мы с ней попрощались, – ответил василёк. – А теперь убери меня обратно.

Чаки двумя пальцами взял цветок за жилистый стебелёк и убрал за ухо.

– Спасибо, – услышал он тихий шёпот.

Кляк открыл усталые чёрные глаза, спрятал арфу, прыгнул с банки и, ковыляя, подошёл к Чаки.

– Ты их видел? – спросил он мальчика.

– Да.

– Они иногда прилетают, когда я играю, – с грустью сказал Кляк, – но в последнее время всё реже и реже. Может, я играю не то, а может, я просто меняюсь.

– Стареешь?

– Нет, не в этом дело, – ответил Кляк и сел на кучу золы. – Я истлеваю, Чаки, истлеваю изнутри. Когда-то, когда я был моложе, чем ты сейчас, у меня была мечта.

– Попасть в город?

– Да, – кивнул Кляк. – И я стремился туда, а он опалал мне крылья. Много раз я возвращался сюда пешком, ждал, когда перья снова отрастут, и летел снова. А теперь, лишь почувствовав жар, я лечу обратно. Я вижу свою мечту, но больше не готов рисковать ради неё. Я не могу прикоснуться к ней, но раньше я хотя бы пытался это сделать. Мне иногда кажется, что для меня достаточно лишь смотреть на город и не больше.

– А может, он не стоит того, чтобы к нему стремиться? – предположил Чаки.

Кляк отпрыгнул от него, как от ядовитой змеи.

– Не говори так! – крикнул он. – Никогда так не говори! Любая мечта стоит того, чтобы к ней стремиться!

– Но ведь некоторые мечтают о плохих вещах, – возразил Чаки.

– О плохих вещах нельзя мечтать, – успокоившись и сев, сказал Кляк, – их жаждут. Когда не получается добиться чего-то хорошего – тебе грустно, когда чего-то плохого – ты злишься. Вот и вся разница.

– Спасибо, что объяснил, – склонив лохматую голову, поблагодарил Чаки.

– Не за что, – попытался улыбнуться клювом Кляк. – Ну, я полетел!

Он запрыгнул на кучу мусора, взмахнул крыльями и взлетел, крикнув на прощание:

– Пока!

– Пока! – крикнул Чаки, совсем забыв, что Мила и Карл всё ещё спят.

Лёгкий порыв ветра донёс до мальчика пение Кляка:

– И волосы цвета солнца, и как изумруды глаза...

Словно молния пронзила сердце Чаки. Он бросился на мусорную кучу и побежал вслед улетающей птице.

– Стой! Стой!

Мальчик спотыкался, падал, вставал, а Кляк улетал всё дальше и дальше, пока не скрылся из вида.

– Стой...

Чаки опустился на колени и заплакал слезами тихой грусти.

– Теперь у тебя тоже есть мечта, – тихо сказал василёк.

– Да, теперь у меня есть мечта, – прошептал Чаки.

– Расскажи, а как у вас там, в городе?

– После семнадцати лет тебе доступны все удовольствия.

– Это как?

– Всё, что ты только можешь пожелать.

– Но это же здорово!

– Это печально. В этой вседозволенности нет свободы. Только наслаждения и ничего больше. Со временем это превращает нас в пустые сосуды, в которых нет души. Нам запрещено думать, стремиться к чему-либо, мечтать... Нам запрещено даже любить.

- Подожди! А кто вам может запретить?
- Он следит за каждым нашим шагом, за каждым действием. Наверное, он следит даже за нашими мыслями.
- Кто? Кто?!!
- Киберро. Город.

Карл нашёл внука спящим на куче мусора. Он лежал, подложив руки под голову, и что-то шептал. Дед осторожно поднял его и отнёс к костру.

- Где он был? – спросила Мила.
- Я не знаю, где он был, – ответил старик, – и где он сейчас.
- Он ведь просто спит, – удивилась крыса.
- Нет, он не спит. Он где-то.

- Ты когда-нибудь слышал, как шелестят листья на ветру?
- На свалке нет деревьев.
- А в городе не бывает ветра.

Чаки открыл глаза и увидел Карла и Милу. Дедушка с крысой сидели напротив него, рядом лежали игральные карты, в которые они, по всей видимости, играли в ожидании его пробуждения. Мила явно выигрывала: рядом с ней лежала целая куча сушёных лягушачьих голов, в то время как у Карла оставалось всего две.

- Где ты бы? – спросил Карл.
- Я спал, – ответил Чаки.
- Дед улыбнулся и показал свои карты Миле:
- Ты всё равно выиграла, так что забирай!

Довольная крыса взяла две последние головы и принялась складывать выигрыш в мешок, а Карл подошёл к Чаки и, погладив его по голове, сказал:

- Я знаю, что ты спал, ведь я сам нашёл тебя и принёс сюда. Ты что-то шептал во сне.
- Да, – признался мальчик, – я разговаривал с ней.
- С кем?
- Скажи ему, – тихо прошептал василёк.
- Я не знаю, как её зовут, – сказал Чаки, – я даже не видел её во сне. Мы словно лежали рядом на траве, мягкой, знаешь, такой мягкой и зелёной. Всё вокруг нас было залито сияющим солнечным светом, а мы лежали и разговаривали.

- О чём? – спросил Карл.
- О Киберро. О городе.
- Ничего себе! – присвистнула Мила. – И что же она тебе сказала?
- Он управляет ими.
- Кем?
- Теми, кто в нём живёт.

Мила замахала лапками и, смеясь, повалилась на спину.

– Ой, не смешите меня! – повизгивала она. – Как город может управлять кем-то? Это всё равно, что сказать, что нами управляет эта свалка, а грибниками правят грибы! Ой, уморил! Ой, уморил! Да, странные тебе сны снятся, Чаки!

- Карл, заметив, как обиженно поджал губы Чаки, крикнул:
- Цыц! Мила, тебе что, самой никогда не снились странные сны?
- Крыса резко замолчала, села и испуганно посмотрела на старика.
- А ты откуда знаешь?
- Просто спросил.

– Так, так, так, так, так, – почёсывая голову, протараторила Мила, – я никому об этом не рассказывала, ты мысли читать не умеешь. Точно не умеешь? – с подозрением посмотрев на старика, спросила она.

– Нет, иначе я бы знал не только это, – улыбнулся Карл.

– Значит, ты и в самом деле догадался, – решила Мила.

– Да что тебе снилось-то? – не выдержав, выкрикнул Чаки.

Крыса исподлобья глянула на мальчика и спросила:

– Смеяться не будете?

Карл и Чаки отрицательно мотнули головами и Мила начала рассказывать:

– Мне этот сон снился очень много раз. Каждый раз один и тот же. Я проверяю запасы, ложусь спать и снится мне, что я стою на берегу ручья.

– Нашего? Грязноструйки? – спросил Чаки.

– Не перебивай, – недовольно сказала Мила, а Карл легонько шлёпнул мальчика по локтуму затылку. – Нет, не нашего. Он чистый, прозрачный, солнце играет в воде, а на дне видно каждый камешек, каждую маленькую букашку. Камушки красивые, разноцветные, вода холодная. Странно, почему я её никогда не пробовала? Я перехожу через ручей босыми лапами и попадаю в лес, а там светит солнце, поют птицы, трава зелёная и мне так хорошо. Я сажусь к тёплому стволу, закрываю глаза, между пальцами бегают какие-то букашки. Птицы поют, солнышко светит и мне так хорошо! А потом я просыпаюсь в своей норе, тёмной и грязной и сердце щемит от тоски. Самое плохое в этом сне то, что он кончается...

Миле на кончик носа села маленькая чёрная бабочка, но она, казалось, даже не замечала этого и тупо смотрела перед собой.

– И об этом ты стеснялась рассказывать? – спросил Карл.

– А? Что? – словно очнувшись, встрепенулась крыса, спугнув бабочку, которая, взмахнув угольно-чёрными крылышками, печально улетела в сторону города. – Да, то есть, нет! Да не знаю я! Понимаешь, я вся такая дерзкая, вредная, а тут такие сны.

Чаки присел и легонько щёлкнул её по носу.

– Ты не вредная, – улыбнувшись, сказал он, – ты добрая.

– Ещё какая! – хихикнула Мила. – Хочешь, за палец укушу?

Мальчик, сделав вид, что испугался, одёрнул руку:

– Ой, боюсь!

– То-то, – довольно буркнула крыса. – Помню, прапрабабушка рассказывала, что давным-давно, ещё до её прапрапрапрапрабабушки, наши предки жили в лесу, а потом стали жить по свалкам. Может, во сне мне снится то, как я должна была жить?

– Возможно, – сказал Карл. – Надо об этом Вика спросить.

– Давай! – неожиданно легко согласилась Мила. – У него ведь эти, как там их, есть...

– Книги, – улыбнулся старик.

– А мой сон? – спросил Чаки.

– Мы это тоже спросим.

Старик достал фляжку, и они с Милой допили остатки.

– А у вас в городе бывает холодно?

– Никогда. И жарко тоже не бывает. Всегда одинаково.

– Почему?

– Должна соблюдаться идеальная температура. Постоянно. Для нашего же блага. Для нашего здоровья. Для того чтобы мы не испытывали дискомфорта.

– Знаешь, а я слышал песню. Мне показалось, что она про тебя. Её пела птица, потерявшая мечту.

– Про меня никогда не писали песен и никогда не напишут.

– Я напишу. Обещаю.

Прощай, прошлое!

– В своём повторяющемся сне ты прикасаешься к памяти своих далёких предков, – выслушав рассказ Милы, сказал Вик, тощий пегий старик с огромной копной белых волос, в которых резвились маленькие ящери. – Мне для этого даже в книги заглядывать не нужно.

– Как такое возможно? – спросила крыса.

Вик оглядел свою хижину, где на стенах висели амулеты, зеркала, страшные маски давно исчезнувших богов, зеркала, звериные черепки, сушёные осьминоги и ещё невообразимое количество всякой всячины.

– Память поколений как эта хижина, – сказал он, – каждый может принести сюда всё, что угодно и я буду это видеть. Но я когда-нибудь исчезну, а то, что здесь, останется и им смогут владеть другие.

– Что-то не очень понятно, – сказал Карл.

Вик выпучил огромные глаза, поймал в волосах ящерику, поковырял ей между зубов и засунул недовольную и рассерженную рептилию обратно.

– Да? – спросил он и рассмеялся: – Ха! Ха! Ха-ха-ха-ха-ха! Мне тоже, мне тоже это непонятно! Я не знаю, как можно проникнуть в память предков, но уверен, что это именно тот случай.

– Точно? – спросила Мила.

– Обижаешь, – скривил толстые губы Вик.

– Он никогда не врёт, даже если ошибается, – прошептал Карл на ухо крысе.

– А что с моим сном? – спросил Чаки.

– Рассказывай.

Как мог, Чаки рассказал про девушку, с которой встретился взглядом, про песню, которую пел Кляк и про сон.

– Мне кажется, что это с ней я разговаривал во сне, – закончил свой рассказ Чаки.

– Волосы цвета солнца и как изумруды глаза, – задумчиво пробормотал Вик. – Сейчас узнаем.

Он подскочил с кресла и бросился к книжному шкафу с такой быстротой, что чуть не сбил Милу, а ящерики из его волос попадали на пол и шустро разбежались по стенам, где спрятались за многочисленные артефакты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.